

Ю.В.Козловский

О чем мечтают президенты?

У

него необычная биография. Да и сам он считает, что вся его жизнь в переломах и шрамах. Сегодня этот человек возглавляет огромное дело. Не поняв его поступков и взглядов, нельзя до конца уяснить, что произошло с возвращением Владимира Герасимовича Овчара в Подольск на заводе имени Орджоникидзе.

С чего же начать рассказ о нынешнем президенте акционерного общества «Подольский машиностроительный завод»? С автомобильной катастрофы, когда он чудом уцелел? С предложения изменить прическу, сделанного ему одним из руководителей Ростовской области?

Начнем с того дня, когда студент Томского политехнического института твердо решил для себя, что отказывается от карьеры профессионального футболиста и станет инженером.

- Это, - смеется Владимир Герасимович, - может быть, самое трудное в моей жизни решение. Ну посудите сами. Молодой человек, капитан институтской сборной, которого приглашают в команду мастеров. Тебя узнают на улицах Томска, в кармане талоны на питание, с ними можно пойти в ресторан, пригласить с собой друзей. Тогда, наверное, такой же популярностью пользовался в городе мой друг Сережа Белов. Этот всемирно известный баскетболист был в те годы тоже капитаном институтской сборной, но, естественно, по баскетболу.

- Так вы, выходит, сибиряк?

- Родился в Бурят-Монголии. Отец мой — человек военный, и пришлось ему с семьей поколесить по стране. Долго жили в Иркутской об-

ласти, в районе Братска, Осетрова, Усть-Кута, Тайшета, Вихоревки...

С Сибирью меня многое связывает. Учился в Томске, работать начинал на авиационном моторостроительном заводе в Омске.

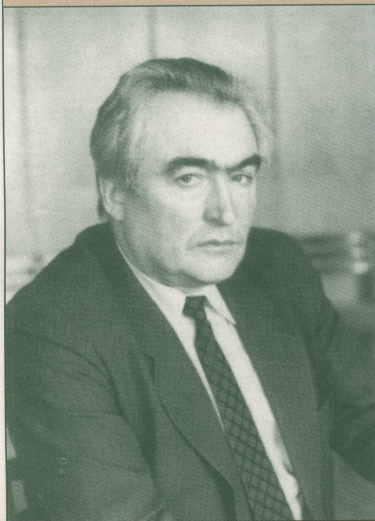
- Сибирские края и вдруг — подмосковный Подольск?

- Ну почему вдруг. Во-первых, моя жена подольчанка. Во-вторых, я инженер-теплоэнергетик и всегда хотел работать на крупном котлостроительном предприятии. О заводе имени Орджоникидзе знал по технической литературе, курсовой проект делал по одному из котлов, выпускавшихся предприятием, преддипломную практику проходил в Подольске, но на цементном заводе.

- Опять, Владимир Герасимович, просится у меня это слово вдруг. Почему «цемянка»?

- В нашем институте планировали подготовить группу энергетиков именно для таких предприятий. Естественно, я тут же согласился ехать с ними на берега Пахры. Сделал, по отзывам специалистов, неплохой дипломный проект: цех обжига с печами кипящего слоя. Это было принципиально новое направление. Оно сейчас модно в энергетике. Кипящий слой позволяет сжигать сложные виды топлива, не нанося при этом вреда окружающей среде. Процесс сжигания практически безвреден в экологическом плане.

Работать Овчара направили в Омск. Начав цеховым мастером, он быстро вырос до начальника участка, но здесь и в инженерной его деятельности случился перерыв: делового и энергичного парня избрали секретарем заводского комитета комсомола.

В.Г.Овчар
V.G.Ovchar

О чем, мечтают президенты?

Уже в Сибири, на моторостроительном, видели в нем сильную личность. Но как много бывает в юности многообещающих талантов, которые вянут, не успев распуснуться. Как много грустных примеров, когда сильные, безусловно талантливые люди, получая от судьбы баснословные возможности, так мало реально совершают в отпущенной им жизни. И потому, наверное, мне интересно беседовать с Овчаром, что знаю результаты активной и горячей его деятельности.

Рассказ о судьбе молодого инженера из Сибири вряд ли переубедит скептиков, но специально для них хочу сообщить один принципиально важный факт. На завод имени Орджоникидзе пришел Овчар, что называется, с улицы. Жена из Подольска, учится в Москве, вот и решили перебраться в Подмоскovie по чисто семейным обстоятельствам.

- Жили тогда, - вспоминает Овчар, - в комнатухе на Силикатной. Отопление печное, ну и все остальные «прелести» коммуналки. Сосед предложил устроить меня в ОКБ «Гидропресс». Я не знал, что за организация. Спрашиваю: «Сколько человек там работает?». «Около тысячи», - отвечает. Нет, думаю, не пойду, организация небольшая. Решил идти работать на ЗиО.

- Вы помните, как это происходило?

- Конечно. Первый разговор состоялся с заведующим лабораторией Липецком. Адольф Ушеревич посмотрел на меня подозрительно и сказал: «Ну, хорошо. Беру с окладом девяносто рублей».

Признаться, в лабораторию идти не хотелось. Я по своей натуре практик. Обратился в отдел кадров. Начальник отдела Кравченко повела меня почему-то к заместителю директора Евсееву. Тот предложил мастером в сварочный цех. В общем, предлагали одно, а в итоге направили в отдел главного энергетика инженером-конструктором, поручив курировать первый водогрейный котел для заводской котельной.

Я слушаю президента и думаю о том, что каждый руководитель идет к вершинам карьеры своим путем. Овчар, получается, шел по трубам. Это не каламбур, не журналистский изыск — чистая правда. Сначала он курировал котел для котельной. Потом стал заместителем начальника паросилового цеха. Рабочая одежда — телогрейка. В ней он облазил все заводские коммуникации на земле и под землей. Но что интересно: ни одна новая

должность не обходилась для этого человека без проблем.

Подписал директор приказ о его назначении заместителем начальника цеха — против партком. Почему? С ним предварительно не согласовали кандидатуру.

Назначают начальником паросилового цеха — возражает партийное бюро. А здесь в чем причина? Он еще не член КПСС.

- В тот раз, - смеется Овчар, - мою судьбу решил слесарь, член партийного бюро. Он на бюро так заявил: «Вы нас убеждаете, что мы, рабочие, избираем нового начальника цеха. Овчар вас почему-то не устраивает. Я предлагаю утвердить начальником известного всем «слесаря по канализации». Вот после этого меня и утвердили.

В те, давние уже, времена проявилась одна примечательная черта Овчара. Люди сильные никогда не бывают злопамятными. Человек слабый всегда мстителен. Нападая исподтишка, он часто не сознает толком, кому и за что мстит.

Никому и никогда Овчар не мстил. Он и сейчас ценит тех людей, которые далеки от мелкой суеты, зависти, показухи. Думаю, качества эти оценил в Овчаре и Долгий, когда принял неожиданное для всех на заводе решение. А произошло вот что.

- Иду я в неизменной своей телогрейке, - рассказывает Владимир Герасимович, - вижу, едет директорская «Волга». Останавливается машина около меня, открывает дверцу Долгий и приглашает садиться. Приезжаем к заводууправлению, заходим к нему в кабинет, и вдруг Алексей Арсентьевич безо всяких там подготовительных слов произносит: «Есть предложение назначить тебя начальником третьего цеха».

Это для меня было, честно признаюсь, как гром среди ясного неба. Я чистой воды энергетик. Одно дело паросиловое хозяйство завода, и совсем другое продукция, которую выпускал третий цех: ракетные комплексы, оборудование для атомных реакторов.

Долгий, видно, мои сомнения предвидел. Ладно, говорит, приказ о твоём назначении уже подписан, едем в цех, там нас ждут.

What do Presidents dream of?

Долгому, конечно, я, да разве я только, весь завод обязан многим. Уважительное слово «Дед» применительно к Долгому я придумал. Он очень хорошо относился к начальникам цехов, считая их основой из основ на заводе.

Конечно, Дед, был для нас авторитетом. Я у него учился. Впрочем, не только у него. Мне многое нравилось в директоре Омского моторостроительного Петре Андреевиче Григорьеве. Решительный, волевой, профессионально знающий дело. А главное — он любил людей. Руководитель должен любить людей, с которыми работает. Это, знаете ли, особое чувство. Можно сорваться, накричать... У меня много недостатков, но людей люблю. Никогда не буду мстить, злословить в чей-то адрес. Если сгоряча незаслуженно обижу человека — непременно извинюсь...

Надо работать с теми, кто есть. Если уж совсем не тянет — меняю. Некомпетентный человек только вредит коллективу.

Почему все-таки Долгий так круто изменил судьбу начальника паросилового цеха? По-моему, он прежде всего увидел в Овчаре самостоятельного, неординарно мыслящего человека. А Долгий, насколько мне известно, был убежден, что человек, не способный к самостоятельности, никогда не станет сильным руководителем. Поступок Алексея Арсентьевича был как раз в его духе. Хотелось круто изменить обстановку в третьем цехе — вот он и принял крутое решение.

Сколько встречал я за долгие годы журналистской работы руководителей, считавших необходимым подчеркнуть высокие свои, так сказать, «управленческие кондиции». Вот, мол, говорили они, был до меня цех, завод, главк или министерство в прорыве. Назначили меня, сутками не уходил с доверенного поста и поправил дело.

Овчар не из их числа.

- И до меня, считаю, цех работал нормально. Ничего особенного с моим приходом не произошло. Единственное, что я сделал, укрепил производство молодыми специалистами. Почти все они, кстати сказать, остались на предприятии, стали началь-

никами производств, руководят цехами, фирмами.

Однако дело поручено было Владимиру Герасимовичу не из простых. Атомное машиностроение, около тысячи работающих, так называемые госплановские заказы, а проще говоря, чистая «оборонка», высокие гости из министерства, союзного Совмина, привыкшие принимать самые решительные меры. Что это такое, Овчар скоро увидел на примере Долгого.

- Я был на том совещании, - говорит президент, - где решалась судьба Алексея Арсентьевича. Завод не выполнил плановые сроки оборонного заказа. В тот раз это было оборудование для атомных подводных лодок. Приказали принять меры. Никто тогда не выступил в защиту Долгого. И я промолчал. Понимаю, что выступление мое ничего бы не изменило. Председателю ВПК Устинову уже доложили, что директор снят, на его месте работает заместитель начальника главка, и заказ будет непременно выполнен в кратчайшие сроки. И все-таки я должен был выступить...

Долгий после того собрания слег в больницу, а в его кабинете обосновался бывший зам. Алексея Арсентьевича по производству Вячеслав Дмитриевич Зоричев. Теперь у него был иной ранг — заместитель начальника главка, и на все предложения стать директором ЗиО он отвечал отказом. Одно Зоричев обещал твердо: работать на предприятии до тех пор, пока не подберет нового толкового директора. Лучшей кандидатурой он посчитал Владимира Герасимовича.

Жалеет ли Овчар о том, что тогда, в тридцатичетырехлетнем возрасте, не стал директором?

Это, убежден Владимир Герасимович, стало бы трагедией для завода, всему коллективу был бы нанесен колоссальный ущерб. «Директору такого предприятия нужны определенная школа, опыт, ступени, которые он непременно должен пройти. Пересади меня тогда со стула начальника цеха в директорское кресло, и мною бы, наверно, мог руководить любой инструктор горкома.»

Зная немного характер президента, я, честно говоря, сомневаюсь,

О чем, мечтают президенты?

что такое руководство было возможным. Но горком, обком, министерские чиновники стали бы наперебой в той ситуации «воспитывать» человека — это точно. Позже Овчар не раз отказывался от заманчивых предложений стать директором чеховского завода «Энергомаш», генеральным директором турбостроительного завода в Сызрани, инструктором ЦК КПСС...

Об этом случае надо рассказать особо. На одной из заводских партийных конференций начальника третьего цеха избирают (и опять неожиданно для всех) членом парткома, а через год его секретарем. Чтобы сегодня ни говорили, но выбранная эта должность давала для умного руководителя многое: знание людей, новый кругозор, опыт. К тому же новый секретарь мало занимался идеологией, отдавая практически все свое время развитию производства.

И тогда директор предприятия рассудил здраво: зачем ему сильный и неуправляемый секретарь парткома, когда можно его подчинить, назначив главным инженером? (Должность главного инженера в то время была вакантной после перевода Фадеева Е.А. на работу в Госплан СССР.)

С этой должности и «потащили» Овчара в ЦК. В логике Центральному комитету здесь не откажешь. Может ли быть лучше кандидатура? Секретарь заводского комитета комсомола, начальник цеха, секретарь парткома...

В первой же беседе Овчар заявил категорическое «Нет!». Пригласили для разговора снова — и снова отказ. «Вы подумайте, подумайте, — настойчиво советовали главному инженеру, — это же такие перспективы».

Когда Овчар отказался в третий раз, на него посмотрели с сожалением: «Ну что же, идите. Полагаем, что и главным инженером вам осталось совсем немного работать».

Его «душили» год. Не пускали в заграничные командировки. Да мало ли было возможностей у могучего партийного аппарата?

Через год на одном из совещаний беседовавший с ним работник ЦК сказал миролюбиво: «Ладно. Прощаем вас. Работайте спокойно...».

Трудно сказать, почему получил главный инженер столь быстрое отпущение «грехов». Могу только предположить, что в промышленном отделе ЦК прозвучала его фамилия в числе возможных кандидатур на

должность генерального директора «Атоммаша».

Следующий сюжет уже не для очерка. Скорее, для психологически острого, резкого, а может быть, и драматического рассказа. Но поскольку пишу я об истории подольского предприятия, о человеке, сыгравшем в жизни коллектива немалую роль, то расскажу коротко, не пользуясь документальными фактами.

На кандидатуре Овчара настаивал союзный министр Кротов. Человек, говорят, Виктор Васильевич был решительный и смелый. В ростовском обкоме и отделе ЦК стали ему говорить: «Неплохой, конечно, специалист Овчар, но больно все-таки «зеленый». Кротов сердито ответил: «Этот у меня из лучших, а «коричневых» не имею».

Надо четко себе представлять, куда уговаривал пойти Овчара Кротов. Создавался новый гигантский завод. Люди, собранные сюда со всей страны, не знали даже приблизительно, что такое инженер-атомщик, слесарь, собирающий оборудование для АЭС. Руководителей Волгодонского предприятия заставляли принимать недостроенные корпуса, рапортовать о досрочном выпуске продукции. Коллектив в конечном итоге довели до того, что он чисто психологически потерял уверенность в возможности выпускать атомные реакторы.

Нужен был сильный, жесткий, прекрасно знающий дело специалист. Министр считал, что Овчар, пройдя школу на заводе имени Орджоникидзе, стал именно таким.

- После долгих и нелегких раздумий, — говорит Владимир Герасимович, — дал я свое согласие и уехал с семьей в отпуск в Ленинград. Вдруг депеша: срочно вылетай в Ростов-на-Дону, в обком партии. Ну, тут снова начались согласования от инструктора до первого секретаря. Им тогда был Бондаренко, которого почему-то убедили, что я, как и он, украинец. И вот первое разочарование. Оказывается, я — русский. Но это так, к слову. Главным, конечно, в разговорах было другое.

- С желанием, — спрашивают, — идете работать в Волгодонск?

- Нет, — отвечаю.

- Тогда почему?

- Уговорили.

- Семья нравится, что вы станетесь руководителем крупнейшего в стране предприятия?

- Не особенно, но со мною все равно поедут.

Первый говорит: «Кончайте человека пытаться, а то еще откажется. Я

чувствую, это тот руководитель, который сейчас «Атоммашу» нужен».

Ну вот, думаю, закончились, слава богу, пустые разговоры. Оказывается, нет. «Товарищ Овчар, - обращается ко мне председатель облисполкома, - можно вас на минутку».

Подхожу. А надо сказать, что в отпуске своем ленинградском я достаточно долго не ходил в парикмахерскую.

- Видите ли, - говорит председатель облисполкома, - у нас в Ростове и области директора предприятий с такими прическами не ходят.

Ну, я ему в ответ: «Наголо прикажете постричься?».

Это был, конечно, опытный, зрелый специалист, но все-таки тот же Овчар... Почти шесть лет проработает Владимир Герасимович генеральным на «Атоммаше». За это время завод освоит выпуск всего оборудования, которое ему планировалось. И здесь, как, пожалуй, нигде раньше, проявит директор свой характер и отстоит практически полную свою самостоятельность.

Меня в истории с «Атоммашем» больше всего занимала одна мысль. Понимал ли Овчар, что строительство нового гиганта атомного котлостроения ошибка, быть может, трагическая? Был мощный Ижорский завод, заводы в Подольске, Таганроге, Барнауле.

- Я верил специалистам, - говорит президент. - Ведь все отечественные ученые с мировыми именами только и твердили: атомная энергетика, атомная энергетика, атомная, атомная... Строительство завода было запланировано на выпуск восьми комплектов оборудования для АЭС. Ему бы и четырех хватило, чтобы работать рентабельно. Кто тогда мог предвидеть Чернобыль? Кто думал, что «Атоммаш» окажется в итоге в тяжелом положении?

Да, предвидеть, что произойдет с заводом, с новым его директором было действительно непросто. Мог ли знать сам Овчар, что в «Волгу», на которой он возвращался из Ростова в Волгодонск, врежется на полном ходу КамАЗ? И сильный этот человек, едва придя в сознание, подумает прежде всего а своей семье. Но после травмы, после тяжелой операции он поднимется снова и вновь

взвалит на свои плечи этот невероятный груз, что называется «Атоммаш».

И все-таки он благодарен тем годам. Волгодонский гигант научил его многому. Видно, для каждого нормального человека должно наступать время, когда хочется знать истину не только о жизни, но и о себе, понять и найти причину людских поступков, симпатий и суждений. Это нужно каждому, повторяю, нормальному человеку. Руководителю такое познание необходимо вдвойне.

Когда Овчар вернется на завод имени Орджоникидзе, на дворе будут иные времена, да и сам он станет совершенно другим человеком. Он мечтал работать на старом предприятии по-новому, но первые впечатления оказались безрадостными.

- Меня, - говорит Владимир Герасимович, - поразили прежде всего просьбы многих руководителей освободить их от занимаемых должностей. Они думали, что вернулся прежний главный инженер Овчар, который так же, как когда-то, начнет «снимать стружку» с нерадивых, «душить» за план. Вот вам типичный разговор из тех времен с одним из моих замов:

«Почему, говорю, - уходишь?» - «Вы будете требовать план, а я не вижу возможностей его выполнить».

- Скажите, Владимир Герасимович, - спрашиваю Овчара, - а почему все-таки вы вернулись на Подольский завод? Это решение пришло в вам еще в Волгодонске?

- Там даже мыслей подобных не было. Меня прочили в заместители министра. Обком уговорил Кротова оставить меня на «Атоммаше» хотя бы еще на год. Затем назначили заместителем начальника Главка Минтяжмаша. Переехал в Москву, и помчались из Подольска гонцы. Разговор был один: завод в тяжелом положении, заваливаем план - помоги.

Что же получалось? Я вырос на этом предприятии от рядового инженера до главного. Теперь завод оказался в беде, а я в министерстве буду отсиживаться? Никто, кстати, из минтяжмашевских моих коллег меня не понял. Для всех в министерстве было непонятно, зачем я наде-

О чем, мечтают президенты?

ваю на себя новый хомут. Министр вызывает: «Ты что делаешь? Я же тебе сказал: будешь у меня замом».

Нет, отвечаю, решение принято. Изберут в коллективе директором — пойду. Его избрали большинством голосов, а через пару месяцев пошли по заводу разговоры: не тот стал Овчар.

- Да, - говорит президент, - меня действительно не понимали. В цехах бываю мало, болты с гайками не считаю, совещаний по планам реализации не провожу — ну что это за директор? А я мечтал создать коллектив единомышленников, самостоятельно мыслящих людей, способных принимать смелые, неординарные решения.

Помните, как раньше было? Составляется коллективный договор. Приходит на его подписание начальник цеха со своими рабочими и заявляет директору: «Вы там учтите: крыша в нашем цехе течет». Нужно было ломать эту потребительскую психологию.

Ему снова было нелегко. Половина цехов на заводе сидела без работы. Конверсия оборонная, атомная била по коллективу наповал. Вот когда пригодилась Овчару закалка «Атоммашем». Ведь именно там, где-то на ощупь, порою методом проб и ошибок он создавал модель современного предприятия с экономически независимыми, самостоятельными подразделениями. Уже там требовал от начальников цехов точно знать не только характер выпускаемого изделия, но и объект, на который оно поставляется. Не менее важным генеральный директор считал вопросы ценообразования, опять же предлагая решать их по-новому.

По его инициативе создавались на заводе имени Орджоникидзе производственно-технические комплексы (ПТК) — прообразы нынешних фирм акционерного общества. Он говорил руководителям комплексов: «Вам даны все права, самостоятельность — вот и решайте внутренние свои проблемы сами».

Конечно, Овчар мог бы и поднажать, ускорить выполнение того или иного заказа. Но потом пришлось бы нажимать снова и снова. Тогда бы сложилась система этакого выжимания-выживания.

Ее-то как раз директор видеть на заводе и не хотел. Он был другим и мечтал увидеть людей другими.

- Вас поддержали безоговорочно?

- Многие, - считает Овчар, - приняли мою политику. Хотя, думаю, не все. Вот, скажем, мы создали ак-

ционерное общество. Глупо думать, что люди, став акционерами, тут же изменили свое мировоззрение. Оно складывалось годами, и разве виноват каждый конкретный человек, что стал таким? Но путь, который мы избрали, уверен, - единственно правильный.

Знаете, в чем вижу я главную, если хотите, свою заслугу? Подросли кадры руководителей. Реши я, скажем, завтра уйти с завода, варяга искать не будут. Не надо предприятию теперь никого с Ижоры, Таганрога, Барнаула. Не будут приглашать директора со стороны.

Долго хотел задать президенту один вопрос. После последних его слов он показался мне кстати.

- Скажите, - говорю, - Владимир Герасимович, вам, предположим, звонят из самых высоких инстанций и предлагают занять высокий пост. Вы дадите свое согласие?

Нет, с завода теперь никуда не уйду. Не хватит здоровья и сил руководить акционерным обществом, передам эту должность другому, но работать на заводе все равно останусь.

Полагаю, сил и энергии этому человеку хватит еще на многое. Он привык отвечать за людей, привык к трудностям. Да и команда теперь у президента ему под стать.

Как много твердили нам в школьные годы о том, что личность не играет никакой роли в истории. В конкретных событиях, о которых я веду речь, конкретная личность Владимира Герасимовича Овчара сыграла роль немалую. Можно, конечно, по-разному относиться к этому человеку, но с кем бы я ни разговаривал о нем на заводе, в конце нашей беседы звучал всегда один и тот же краткий и выразительный монолог: «Если бы не Овчар...».

Если бы не Овчар, на заводе не возникли бы самостоятельные подразделения, решающие сегодня собственную судьбу сами.

Если бы не президент с его знаниями и опытом, вряд ли сумел бы коллектив быстро сориентироваться в новой непривычной для него рыночной ситуации.

Даже двух этих примеров достаточно для того, чтобы оценить деятельность руководителя. Конечно, он не идеален. Но где, скажите, видели вы директора, президента ассоциации корпорации, министра без недостатков? И есть ли хоть один живой человек без них?

За его деятельностью следят на предприятии. Ревниво оценивают каждый шаг президента в разного рода экспортных предприятиях,

бывших еще недавно монополистами. Еще бы. По инициативе Владимира Герасимовича создана мощная Энергомашиностроительная корпорация, куда вошли крупнейшие машиностроительные заводы, среди которых такие знаменитые, как «Электросила», Ленинградский металлургический, Белгородский и Чеховский «Энергомаш», Петрозаводский завод тяжелого бумагоделательного машиностроения, Уральский турбомоторный завод. И здесь президентом избрали Овчара.

- Теперь, - говорит он, - мы можем поставлять заказчику весь ком-

плект будущей электростанции тепловой или атомной.

Последние странички записной книжки, последние вопросы и ответы. Я перечитываю их и думаю о ноте, на которой надо заканчивать рассказ о судьбе этого человека. Но еще интереснее то, во что они верят? Вот и страничка, на которой записан ответ Овчара:

- Убежден, что акционерное общество будет и впредь устойчиво и успешно работать, а люди более достойно жить. Я не любитель высоких слов, но твердо верю в наш завод и Россию.

What do Presidents dream of?

Y.V.Kozlovsky

He has an unusual biography. He thinks all his life consists of turning points and scars. Nowadays this man guides the big business. He is the Head of JSC «Podolsk engineering plant».

Ovchar Vladimir Gerasimovich was born in 1940, in Buryatiya. His father was a serviceman and their family moved from one place to another all over the country. In 1963 he graduated TPU and after the graduation he started his work in Omsk, at the air-motor plant. His wife was Podolsk born and studied in Moscow. That's why they decided to move to Podolsk where Ovchar continued his work at the plant of Ordzhonikidze. He was hired as a constructing engineer to the department of chief power engineering specialist, then he became deputy head of esteem power department and later — a head of the 3rd workshop.

When Ovchar was 34 he was proposed a post of chief director of JSC «Podolsk engineering plant». And he refused. He thought he wasn't experienced enough for that job. Later Ovchar declined proposals to become the head of Chehovo Plant «Uralmash», chief director of turboconstructing plant in Syzran, instructor in the Central Committee of Communist Party.

After his work in the 3rd workshop Ovchar became chief engineer of the plant and later he moved to Volgodonsk where the largest nuclear engineering plant was just built and started his work there as a chief director of that plant. He worked there for 6 years.

When Vladimir Gerasimovich comes back to the plant of Ordzhonikidze he feels himself a new person with new abilities and features of character. And he begins «new» work in the old place. He had a choice — to go on his career in the Ministry of engineering industry or to come back to Ordzhonikidze plant, which went through its hard time then. In short time the plant was recalled into JSC «Podolsk engineering plant», the consciousness of workers changed according to the new time.

The largest engineering plants, such as «Electropower», «Leningrad Metal», Belgorod, Petrozavodsk, Ural plants and Chehovo «Energomash» have founded their association. Ovchar was elected as its president. Answering the question «what do you believe in?» Vladimir Gerasimovich says «I believe in our plant and I do believe in Russia».